

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-90-110

Ф. К. СОЛОГУБ В ДНЕВНИКЕ Е. П. КАЗАНОВИЧ

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © А. В. ВОСТРИКОВА;
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ
ПРИ УЧАСТИИ © А. В. ВОСТРИКОВА)

Основная часть дневниковых записей Евлалии Павловны Казанович (1885–1942) о Федоре Сологубе относится к 1920–1923 годам, одному из наиболее драматичных периодов биографии писателя. Переживание последствий социальной катастрофы, болезнь и самоубийство жены — писательницы и переводчицы Анастасии Николаевны Чеботаревской (1876–1921), несостоявшийся отъезд за границу — все вместе заметно сказалось на его внешнем и внутреннем облике («...было что-то умирающее в голосе и выражении лица Сологуба: чужое, далекое, бесстрастное, потухающее...»; запись в дневнике Казанович от 13 декабря 1920 года). Этот период получил широкое отражение в мемуарах, дневниках и письмах современников (библиография источников объемна и хорошо известна исследователям, здесь мы ее не приводим). Записи Казанович освещают образ позднего Сологуба с нового ракурса, дополняют его штрихами, деталями и ранее неизвестными фактами, и уже по этой причине заслуживают внимания.

Личность diarистики — одной из первых сотрудниц Пушкинского Дома, в развернутом представлении не нуждается,¹ следуя жанру, напомним основные вехи ее биографии.

Евлалия Павловна Казанович родилась в Могилеве в обедневшей дворянской семье, училась в Могилевской женской гимназии, в 1905 году приехала в Петербург и поступила на физико-математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, а вскоре перешла на историко-филологическое; училась с перерывами (обусловленными семейными и финансовыми проблемами) и окончила курсы только в 1913 году (группа русской филологии, подгруппа литературы). В 1911 году академик Н. А. Котляревский привлек ее к описанию книжного собрания Пушкинского Дома, где Казанович с тех пор стала постоянным сотрудником, сначала внештатным, а затем и штатным; по штатному расписанию 1919 года была утверждена в должности библиотекаря, затем помощника хранителя книжных собраний (1921), а после — научного сотрудника Рукописного отдела II разряда. В октябре 1929 года при начале «академического дела» была арестована, провела около двух месяцев в заключении (без предъявления обвинений), а после освобождения уволилась из Пушкинского Дома по собственному желанию; впоследствии недолго работала в различных библиотеках; жила литературным трудом; погибла в Ленинграде в первую блокадную зиму.

Казанович принадлежит ряд историко-литературных работ (о творчестве Д. И. Писарева, Ф. И. Тютчева, А. С. Пушкина и др.), воспоминания (о Д. Н. Овсянко-Куликовском, Н. А. Котляревском и др.) и переводы (в том числе перевод сборника статей Р. Роллана «Над схваткой» (Л., 1935)); событием в отечественной тютчевiane стал подготовленный ею альманах «Ура-

¹ См.: Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 160–161; *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 326; Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 63, 451.

ния» (1928)² со статьями Л. В. Пумпянского, С. Н. Дурылина, Г. И. Чулкова и др.

Однако в контексте темы публикации Казанович интересует нас, прежде всего, как автор дневника, который с полным правом можно назвать замечательным памятником эпохи и выразительным автопортретом.³ Не останавливаясь подробно на достоинствах и особенностях этого исторического и человеческого документа, обратим внимание только на некоторые специфические качества его автора.⁴ Казанович была очень непростым человеком, иногда крайне резким и неуживчивым. Повторяя (вслед за братом) применительно к себе малороссийское слово «одынец», она прожила свои полвека с лишним, не обзаведясь ни семьей, ни сколько-нибудь постоянными и прочными дружескими связями. Сосредоточенная на себе, она постоянно металась между безудержными фантазиями о собственной исключительности и высоком предназначении и ламентациями по поводу своей несостоятельности и бессмысленности жизненного прозябания. Столь же полярными были ее суждения о «виденном и слышанном». С одной стороны, легко внушаемая и не обладавшая сколько-нибудь серьезным жизненным опытом девушка принимала на веру прочитанные в газетах, услышанные от знакомых или даже незнакомых людей сведения; с другой стороны, декларируемые самобытность и духовная независимость могли заставить столь же немотивированно отвергать «мнение толпы». Впрочем, эта немотивированность обычно была только внешней и основывалась на сложившейся внутренней системе ценностей и идеалов. Попав под влияние какой-либо идеи, личности, исторической фигуры, Казанович доводила свое увлечение до абсолюта, до восторженного поклонения.

Нам известны два персонифицированных «объекта» такого поклонения. Первый — профессор философии Петербургского университета и Высших женских курсов, председатель философского общества при университете Александр Иванович Введенский (1856–1925). В отношении Казанович к Введенскому сложилось все: и увлечение популярным лектором, и гимназическое «обожание», и женская влюбленность, и стремление к высокой мудрости (хотя сколько-нибудь серьезные философских познаний она не обрела), и фантазии о своем предназначении.⁵ Введенского отодвинул на задний план Нестор Александрович Котляревский (1863–1925), не только ученый и профессор, но и галантный мужчина, и остроумный собеседник, и внимательный старший товарищ. («Предметом ее многолетней восторженной привязанности был Нестор Александрович, приходивший к ней, по заведенной традиции, каждую неделю в определенный день (кажется, по воскресеньям) на чашку чая. Сам он относился к ней с большой симпатией, но иногда и с легкой, свойственной ему иронией».)⁶ Именно благодаря Котляревскому, с 1910 года стоявшему во главе Пушкинского Дома, Казанович и оказалась в его стенах — сначала в роли неофициальной помощницы, а затем и первого постоянного сотрудника.

² Уралия: Тютчевский альманах. 1803–1928 / Под ред. Е. П. Казанович; вступ. статья Л. В. Пумпянского. Л., 1928.

³ Казанович вела дневники с детства, в разных форматах (иногда даже параллельно). В настоящей публикации мы имеем в виду основной (и наиболее известный) текст, охватывающий период с 1912 по 1923 год: *Казанович Е. П.* Записки о виденном и слышанном: Тетради I–IV // РНБ. Ф. 326. № 17–20.

⁴ Подробнее см.: *Востриков А. В.* Евлалия Павловна Казанович и ее «Записки о виденном и слышанном» // История отечественной культуры в архивных документах: Сб. статей. СПб., 2021. Вып. 2. С. 172–181.

⁵ Подробнее об этом (включая проект создания Философского института) см.: *Орлова Н. Х.* Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки. СПб., 2018. С. 22–32.

⁶ *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. С. 292.

Одним из самых известных и оригинальных фактов ее историко-литературной биографии можно назвать альбом, в котором знакомые ей литераторы оставляли автографы — в подарок Пушкинскому Дому. В первом номере «Вестника литературы» за 1922 год была помещена заметка: «Одна из сотрудников Пушкинского Дома при Академии Наук завела альбом автографов, предназначенный ею в дар Пушкинскому Дому. Альбом открывается стихотворением А. Блока («Имя Пушкинского Дома в Академии наук...», 1 мая 1921), ставшим последним произведением поэта. Тема стихотворения — Пушкинский Дом и связанные с ним переживания. Далее следуют автографы Анны Ахматовой («Смуглый отрок бродил по аллеям...»), Алексея Ремизова и др.»⁷

Впоследствии Казанович вспоминала: «Мысль эта, зародившаяся давно, начала осуществляться однако довольно поздно, и побудительным толчком к этому явилось быстрое исчезновение людей в годы революции; надо было торопиться поймать тех, которые еще оставались на нашем горизонте».⁸

Альбом пополнялся вплоть до 1936 года включительно, в нем также оставили автографы Вс. Рождественский, Влад. Княжнин, Андрей Белый, М. Кузмин, Ю. Верховский, Ф. Сологуб, О. Форш, Е. Замятин, Г. Чулков, И. Новиков, Конст. Эрберг, О. Мандельштам, Вал. Кривич, Мих. Лозинский, Инн. Оксенов; акварели — К. Петров-Водкин, М. Волошин, Н. Фогт; музыкальные автографы — С. Ляпунов и В. Щербачев.

В своем дневнике Казанович об альбоме пишет очень мало и только в тех случаях, когда интересным оказалось общение само по себе — с А. Ф. Кони⁹ или Андреем Белым,¹⁰ или несостоявшееся с М. Горьким.¹¹ И пожалуй, наиболее обстоятельно изложена история взаимоотношений с Сологубом с фидальной альбомной кодой.

Первые упоминания о Сологубе относятся к 1912 году. Сложно сказать, читала ли она к этому времени что-нибудь, кроме «Мелкого беса» (1907), но «Мелкого беса» читала определенно, а в 1923 году даже перечитывала (см. запись от 8 мая). Судя по всему, сочинения «модного» писателя, к тому же имевшего репутацию «махрового декадента», не входили в круг ее читательских предпочтений, хотя именно в эти годы (начало 1910-х годов) для многих Сологуб был «кумиром», поклонники его музыки и начинающие поэты, а в особенности поклонницы — гимназистки, курсистки, поэтессы, писали ему восторженные письма.¹²

С современной русской литературой Казанович была знакома выборочно, в области поэзии сама себя называла «крайне невежественной». В Пушкинском Доме литература предстала перед ней своей бытовой стороной — черновиками, письмами, библиотеками литераторов, а современные писатели — живыми людьми, участниками литературных чтений, посетителями выставок

⁷ Вестник литературы. 1922. № 1. С. 23. Альбом Е. П. Казанович: ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 282.

⁸ Казанович Е. П. Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому» // РНБ. Ф. 326. № 62. Л. 5. Статья была опубликована В. Н. Сажиным (Звезда. 1977. № 10. С. 199–201), однако цитируемые нами строки, по цензурным соображениям советского времени, были опущены.

⁹ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 92–93 (запись от 27 октября 1921 года).

¹⁰ Там же. Л. 84 об. — 85 (запись от 20–21 августа 1921 года).

¹¹ Там же. Л. 91–91 об. (запись от 12 октября 1921 года).

¹² См.: Мисникевич Т. В. Федор Сологуб, его поклонницы и корреспондентки // Эротизм без берегов. М., 2004. С. 349–390; Мисникевич Т. В., Филочева В. В. Становление литературной репутации Федора Сологуба (по материалам переписки с современниками) // Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX вв.). СПб., 2022. С. 67–128.

и торжественных вечеров. Если еще в начале 1910-х годов фигура «писателя в жизни» — любого! — вызывала у нее жгучий интерес,¹³ то теперь она смогла со многими познакомиться лично.

Ее внимание к Сологубу, вероятно, привлек Котляревский. Он был знаком с ним со времен ивановских «сред» (1905–1907),¹⁴ знал, как высоко ценят его лирику и прозу в кругу символистов и какое место в современной литературе ему предписывала авторитетная критика и историки русской словесности.¹⁵

В 1908 году Котляревский был назначен членом Санкт-Петербургского отделения Театрально-литературного комитета и заведующим репертуаром драмы Императорских театров (эту должность он занимал до 1917 года). Знарок и ценитель поэзии Золотого века, Котляревский не приветствовал проникновение на императорскую сцену пьес модернистов, оставляя сторонником классического репертуара. Во время его заведования из пьес Сологуба, предложенных для постановки на Александринской сцене, была дозволена и шла только одна — «Заложники жизни» (1910),¹⁶ при этом из-за сопротивления Театрально-литературного комитета (в лице Ф. Д. Батюшкова, П. О. Морозова и самого Котляревского) прохождение «Заложников жизни» на сцену длилось почти полтора года. Премьера состоялась 6 ноября 1912 года (в постановке В. Мейерхольда).¹⁷

За три дня до премьеры в «Биржевых ведомостях» появилась статья Котляревского «О современном репертуаре», в которой, не упоминая о «Заложниках», но подразумеваемая среди прочего и пьесу Сологуба, он писал: «Все жалобы на репертуар относятся не к пьесам старым, не к нашему „классическому театру“, который достаточно богат и самобытен, а к современной драматургии... <...> тот, кто следил за современным репертуаром не только на сцене, но и в печати, мог заметить нарождение особого типа пьес, грядущую судьбу которых предсказать трудно, но которые, во всяком случае, имеют за собой достоинство новизны. Определенного названия эти пьесы пока еще не имеют, школы они пока еще не создали: называют их пока пьесами „нового“ направления, стиля „модерн“, — хотя они не так молоды, если годом их рождения считать тот год, когда появилась в печати пьеса Минского „Альма“.¹⁸

¹³ Ср. об А. М. Ремизове, которого она увидела в Белоострове у И. А. Шляпкина в мае 1912 года: «Весь мой интерес направился, конечно, к фигуре Ремизова, т. к. мне довольно знать о ком-нибудь, что он писатель, хотя бы даже и не из особенно вкусных, чтобы он сразу привлек мой интерес, но это до тех пор, конечно, пока я не узнаю, что это такое, стоит ли интереса, или нет. О Ремизове же я не имела еще никакого своего мнения; читать его не приходилось; слышала только, что он что-то чудит. Поэтому я устала на него с большим любопытством» (РНБ. Ф. 326. № 18. Л. 30 об.).

¹⁴ См.: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 135, 186 (и по указ.).

¹⁵ См.: *Горнфельд А.* Федор Сологуб // *Русская литература XX века* / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. С. 14–64.

¹⁶ Впервые: *Сологуб Ф.* Заложники жизни. Драма в пяти действиях // Альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1912. Кн. 22. С. 1–108.

¹⁷ Подробно об истории постановки см.: *Галанина Ю.* Вокруг «Заложников жизни» // Мейерхольд и другие: Документы и материалы. М., 2000. С. 157–175; *Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская.* Переписка с В. Э. Мейерхольдом (1906–1927) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Ю. Е. Галаниной // *Федор Сологуб: Разыскания и материалы.* М., 2016. С. 247–253.

¹⁸ Имеется в виду драма Н. Минского «Альма. Трагедия из современной жизни» (СПб., 1900); прототипом главной героини («святой грешницы») послужила З. Гиппиус (в 1890-е годы Минский был ее поклонником и корреспондентом). Гиппиус откликнулась на публикацию «Альмы» статьей «Торжество в честь смерти» (*Мир искусства.* 1900. Т. 4. № 13–24. С. 85–94), в которой провела границу между искусством будущего — символизмом и нежизнеспособным декадентством, при этом драму Минского она рассматривает как произведение декадентское. Подробнее см.: *Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912)* / Вступ. статья, прим.

С появления этой пьесы до наших дней это „новое“ направление, сколько нам известно, не создало ни одного сценического произведения, если не считать двух или трех философских драм и мистерий, не для сцены и очень трудных для постановки. Очевидно, то направление еще все в будущем, и остается пожелать, чтобы свое появление на сцене оно ознаменовало каким-нибудь действительно крупным явлением, которое осталось бы на страницах истории театра, как остались многие пьесы, написанные в старом стиле». ¹⁹

Вторая часть статьи (опубликована в «Биржевых ведомостях» 5 ноября) заканчивалась полемической адресацией к символистам, утверждавшим примат искусства над жизнью, и непосредственно к Сологубу, автору романной трилогии «Творимая легенда» (1907–1913): ²⁰ «Жизнь всегда отражает искусство, и она всегда ярче своего отражения, но пусть искусство идет по пятам жизни, а не топчется в кругу таких настроений и мыслей, которые хоть и имеются на лицо во всякой жизни, но не придают ей ни темпа, ни красоты». ²¹

По-видимому, в эти же дни между Котляревским и Сологубом состоялся разговор о «новой» драме. Предположительно 4 ноября Сологуб писал Котляревскому: «Мне, действительно, думается, что репертуар русского театра вообще (не только казенного) следовало бы расширить. Я думаю, что могли бы быть поставлены такие пьесы, как „Земля“ Брюсова, „Альма“ Минского, „Маков цвет“ З. Гиппиус, Мережковского и Философова, „Песня судьбы“ Блока, „Темный ветер“ Городецкого ²² и еще некоторые, но то эти пьесы не ставятся, я не думаю ставить в упрек Вам как заведующему репертуаром. Может быть, вся сложная машина театра сложилась так, что этих пьес театр не может ставить. Но, никого ни в чем не обвиняя, все же я считаю себя в праве желать того и говорить о том, чтобы театр сделал некоторые усилия к тому, чтобы нашлась возможность ставить пьесы этих писателей». ²³

С. В. Сапожкова; сост. и подг. текстов А. В. Сысоевой, С. В. Сапожкова // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 116–119; Лавров А. В. Иван Коневский — полемист // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 91–103 (по поводу статьи И. Коневского «Альма, трагедия Минского»).

¹⁹ Котляревский Н. О современном репертуаре // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 3 нояб. № 13230. С. 5.

²⁰ Ср. эстетические декларации Сологуба: «Беру кусок жизни грубой и бедной и творю из нее сладостную легенду, ибо я — поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую легенду об очаровательном и прекрасном» (вступление к романной трилогии «Творимая легенда» (1907–1913); Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 4. С. 7); «Искусство идет впереди жизни и требует от нее творческого подвига, заражает жизнь жаждою этого подвига. Где искусство не выполняет своей верховной, руководящей деятельности, там жизнь обращается из деятельной, хотя и подражательного искусству подвига в быт, от искусства независимый, но зато застойный. Искусство, идущее за жизнью, знаменует всегда эпохи застоя, хотя бы и блистательного» (Сологуб Ф. Искусство наших дней // Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 441; впервые: Русская мысль. 1915. № 12). В виде лекции текст был прочитан во время поездки Сологуба по городам России в 1913–1914 годах. Подробно см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 297, 327–348.

²¹ Котляревский Н. О современном репертуаре // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 5 нояб. № 13232. С. 5.

²² Упоминаются: пьеса В. Брюсова «Земля» (др. название: «Земля. Сцены из будущих времен»), 1904, опубликована в составе сборника Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены» (М., 1907); пьеса З. Гиппиус, Д. Мережковского и Д. Философова «Маков цвет», впервые опублик.: Русская мысль. 1907. № 11; отд. изд.: СПб., 1908; «Темный ветер» (1911) — комедия С. Городецкого, при жизни не была опубликована; лирическая драма А. Блока «Песня судьбы» (1908), впервые опубликована в девятой книге альманаха «Шиповник» (СПб., 1909). О драме «Альма» Н. Минского см. прим. 18; см. также запись в дневнике Казанович от 28 ноября 1912 года.

²³ ИРЛИ. Ф. 135 (Н. А. Котляревский). № 667. Л. 8–8 об. Датируется по содержанию.

4 ноября (датируем по почтовому штемпелю) Котляревский писал в ответ: «...я очень рад нашему разговору. <...> В одном я с Вами не согласен, это — возможности подождать под условия сцены — „Землю“ Брюсова, „Маков Цвет“ и „Темный ветер“, по-моему, пьесы очень слабые. „Альму“ я давно люблю и еще лет 10 тому назад сватал ее Попову²⁴ для постановки. Пьеса Блока мне неизвестна».²⁵

Вопреки мнению Котляревского о несценичности «новой» драмы, постановка «Заложников» на Александринской сцене имела оглушительный успех, вызвала шумные споры, дискуссии и широкий резонанс в критике.²⁶

В конце лета 1912 года Сологуб представил в Театрально-литературный комитет инсценировку по роману Л. Толстого «Война и мир»,²⁷ которая была приурочена к празднованию столетия победы в войне 1812 года. Несмотря на заверения Котляревского в успехе дела («Сегодня я передал „Войну и мир“ в наш Комитет. Уверен вполне, что пьеса возражений не встретит. По крайней мере, с моей стороны таковых не будет» — письмо от 31 октября 1912 года²⁸), инсценировка в репертуар не попала.²⁹

Та же участь постигла и пьесу «Любовь над безднами» (1915),³⁰ которую на сцене Михайловского театра предполагал поставить молодой талантливый режиссер Ю. Л. Ракитин. 27 апреля 1915 года он писал Чеботаревской: «Относительно пьесы Федор<а> Кузьмич<а> и Михайловского театра могу сказать следующее: Он находится всецело в руках Нестора Александровича Котляревского и репертуар его должен быть, как велось все это время, строго классический — как приспособленный для учащейся молодежи. / Рекомендовать же мне пьесу Федора Кузьмича, мне кажется, будет бесцельно, т. к. Нестор Алекс<андрович> не принимает в расчет вкусы и желания режиссеров, а выбирает пьесы сам, проводя затем их через Комитет».³¹

Котляревский и возглавляемый им Комитет своих позиций не сдавали, полемика по поводу современного репертуара не утихала. Ее отголоски слышатся в статье Сологуба «Наблюдения и мечты о театре» (1917), написанной в соавторстве с Чеботаревской, в которой они предлагали включить в репертуар современного революционного театра пьесы символистов — Вяч. Иванова,

²⁴ Попов Николай Александрович (1871–1949) — режиссер, драматург, театральный деятель; в 1902–1907 годах руководил с перерывами Народным театром Василеостровского общества народных развлечений в Петербурге, в 1904–1906 — режиссер театра В. Ф. Комиссаржевской, в 1901–1910 — главный режиссер киевского театра «Соловцов», в 1907–1910 — режиссер московского Малого театра. В 1909 году на сцене театра «Соловцов» поставил авторскую инсценировку Сологуба по роману «Мелкий бес».

²⁵ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 355. Л. 4.

²⁶ См. прим. 17.

²⁷ Впервые (литографированное издание): Война и мир. Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом. СПб., [1912]. Александринский театр, отклонивший переделку Сологуба, открыл сезон исторической хроникой А. И. Бахметьева «Двенадцатый год». См. об этом: Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 231; Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом. С. 334, 337–346.

²⁸ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 355. Л. 1.

²⁹ В письме к Сологубу от 24 января 1913 года (датируем по почтовому штемпелю) Котляревский сообщал, что решение Комитета относительно инсценировки по роману «Война и мир» было для него неожиданностью, он имел другое мнение (Там же. Л. 7).

³⁰ Пьеса Сологуба «Любовь над безднами» (1915), написанная в соавторстве с Ан. Чеботаревской (впервые: Пг., 1915), не была одобрена Театрально-литературным комитетом для постановки на сцене Александринского и Михайловского театров (официальный ответ от 3 марта 1916 года: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 878. Л. 51). Подробно см.: Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом. С. 357–377.

³¹ Там же. С. 377.

Ал. Ремизова, Блока, В. Брюсова, Л. Андреева и Сологуба («репертуар, однако, почти целиком упорно отвергаемый»³²).

Годы знакомства не сблизили Котляревского и Сологуба, однако установившиеся между ними контакты не прерывались, а после 1917 года, в новой общественно-политической обстановке, сплотившей деятелей дореволюционной культуры, и заметно потеплели. Наиболее вероятным местом их встреч в 1920–1922 годах был Дом литераторов (1918–1922), самоорганизовавшийся для выживания творческой интеллигенции в обстоятельствах экономического и идеологического государственного террора. С весны 1920 года Котляревский возглавлял Комитет Дома литераторов, членом которого состоял и Сологуб (в разные годы в состав входили А. В. Амфитеатров, А. А. Ахматова, А. А. Блок, А. В. Ганзен, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, Ф. Ф. Зелинский, А. Ф. Кони, А. М. Ремизов).³³

7 декабря 1920 года Сологуб писал Котляревскому: «С большим утешением слушали мы от одной из наших добрых знакомых краткий пересказ Вашей лекции о русской литературе. И мне, и Анастасии Николаевне показалось в этом что-то очень близкое к нашим мыслям и настроениям. Мы были бы очень рады, если бы удалось побеседовать с Вами на эти темы. Не соберетесь ли к нам как-нибудь пообедать, и потом можно было бы вечером собрать несколько людей, более или менее близких, и поговорить. Быть может, созвонимся или спишемся относительно дня в ближайшее время».³⁴

В тот же день Котляревский писал в ответ: «Многоуважаемый Федор Кузьмич / Я с большой охотой найду случай побеседовать с Вами на тему, которая Вас заинтересовала, тем более что мне хотелось бы еще о кое-каких литературных делах поговорить с Вами. В данную минуту я совершенно разорван на части днем (кстати сказать, по вечерам я никуда не годен), так как должен к 1-му Января составить целый ряд отчетов (годовых) по тем комиссиям, которые в моем ведении».³⁵ Работа очень хлопотливая, а хотелось бы поговорить с Вами по существу и без „рассеяния“. / Время, впрочем, терпит, и я надеюсь, что мы его не упустим. А беседовать в <нрзб.> кружке, как Вы пишете, будем после того, как потолкуем вместе».³⁶

Благодаря дружеским отношениям и беседам с Котляревским, Казанович была подготовлена к встрече с Сологубом. Завзятой театралкой она не была, однако театром интересовалась. В их разговорах репертуарная тема возникала не раз, а на немногочисленных «журфиксах» при появлении Котляревского иногда становилась навязчивой.³⁷ Вероятно, упоминалось и имя Сологуба — и как современного драматурга, и как популярного писателя, и как челове-

³² Русская мысль. 1918. № 1–2. Отд. II. С. 6–7. Опубликовано за подписью Сологуба.

³³ Подробный очерк см.: Кукушкина Т. А. «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...». Дом литераторов (1918–1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. С. 77–95.

³⁴ ИРЛИ. Ф. 135. № 667. Л. 11–11 об.

³⁵ Речь идет о постоянных комиссиях, работавших в Пушкинском Доме — Археографической и академической Пушкинской (первой Пушкинской комиссии по изданию академического собрания).

³⁶ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 355. Л. 9.

³⁷ Ср. в записи от 28 октября 1912 года: «...пока, наконец, Н<естор> А<лександрович> не выдержал и не проговорил расслабленным, полным комического страдания голосом <...>: „Ради Бога, только не о театре, а то я сейчас сбегу...“ <...> Со мной же он иногда сам заговаривает об нем, рассказывает о своих театральных горестях, о всех пакостях, на какие пускается Савина, <...> горюет о том, что нет хороших пьес. / „А между тем, мы должны ведь наряду с классическим репертуаром ставить несколько новых пьес в год, давать дорогу и современным авторам“, — добавляет он» (РНБ. Ф. 326. № 18. Л. 108 об. — 109). Упоминается Мария Гавриловна Савина (1854–1915), актриса, заслуженная артистка Императорских театров.

ка — строптивного, несговорчивого, обидчивого, «колючего» («Порою С<ологуб> — еж, а не человек, весь колется» — П. Н. Медведев³⁸).

В сознании Казанович сложилось некое представление о Сологубе, пусть достаточно неопределенное, а последующие встречи с ним дали возможность сверить абстрактный образ с реальностью. Она отнюдь не задавалась целью написать нечто вроде очерка, ей было важно получить у него автограф в альбом Пушкинского Дома. Между тем ее рассказы о нескольких встречах и разговорах с Сологубом, объединенные «альбомным» сюжетом, в совокупности складываются в мемуарный текст, в котором ярко проступают черты облика писателя в позднейшие годы.

По своему эмоциональному фону записи Казанович созвучны воспоминаниям Елены Яковлевны Данько (1898–1943),³⁹ как и Данько, ее оценки личности Сологуба имеют широкую амплитуду (не исключая негативных); по содержанию — записям Павла Николаевича Медведева (1892–1938),⁴⁰ той же Данько и отчасти Владимира Викторовича Смиренского (1902–1977).⁴¹ Все трое основываются на личных беседах с Сологубом в 1924–1926 годах, и каждый из них записывает его парадоксальные, подчас эпатажные, провокационные и противоречивые высказывания о современниках (более всего о Блоке) и Пушкине.⁴² Этот примечательный факт свидетельствует о непрекращавшемся внутреннем диалоге Сологуба с Блоком, к поэтической славе которого в 1920-е годы он испытывал своего рода ревность, и с Пушкиным, поэзия которого всегда находилась в сфере его напряженной рефлексии.⁴³ В 1925 году Медведев записал: «Беспощадные отзывы о современниках-символистах. Только — поросячий писк, гениальные поросята. А нужно было просто вернуться к Пушкину и разъяснить, что такое поэзия и стихи».⁴⁴

В поздней лирике Сологуба отчетливо прослеживается тяготение к традиции пушкинского Золотого века, к неоклассицизму (характерная тенденция в поэзии 1920-х). В 1925 году он патронировал кружок молодых ленинградских поэтов-неоклассиков (Вл. Смиренский, Л. Аверьянова, В. Алексеев, Н. Белявский, М. Борисоглебский, Е. Данько, А. Палей, Н. Рославлева и др.),⁴⁵ провозгласивших в своем манифесте: «Вперед, к Пушкину!».⁴⁶

³⁸ Медведев П. Н. У Ф. Сологуба // Медведев П. Н. Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подг. Ю. П. Медведев, Д. А. Медведева. СПб., 2018. Т. 1. История литературы. С. 605 (прим. М. М. Павловой).

³⁹ См.: Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 190–261.

⁴⁰ Медведев П. Н. У Ф. Сологуба. С. 597–610.

⁴¹ Смиренский В. В. Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и комм. И. С. Тимченко // Незданный Федор Сологуб. С. 395–422.

⁴² См. также: В. В. Вересаев о Федоре Сологубе. Воспоминания. Переписка (1924–1927) / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 472–473, 495–496.

⁴³ См. об этом: Павлова М. М. «Путеводная нить». Поэтическое творчество Федора Сологуба последнего десятилетия в контексте биографии // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2020. Т. 3. Стихотворения и поэмы, 1914–1927 / Изд. подг. М. М. Павлова. С. 628–638 (сер. «Литературные памятники»).

⁴⁴ Медведев П. Н. У Ф. Сологуба. С. 608.

⁴⁵ О вечерах «неоклассиков» см.: Аверьянова-Дидерихс Л. И. Запись о «вторнике» «неоклассиков» 16 ноября 1926 года / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 555–559; В. В. Смиренский и Л. И. Аверьянова. Переписка (1925–1929, 1935). Незданные стихотворения Владимира Смиренского из собрания Лидии Аверьяновой / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Литературный архив советской эпохи. СПб., 2018. Т. 1. С. 238–342.

⁴⁶ Осенью 1921 года вскоре после гибели жены Сологуб переехал с Васильевского острова (угол Большого проспекта и 10-й линии, д. 5) на Петроградскую сторону к Черносвитовым

Первая развернутая запись о Сологубе в дневнике Казанович датирована 13 декабря 1920 года.⁴⁷ Она зафиксировала его спонтанное выступление в Неофилологическом обществе на докладе А. С. Полякова о новых материалах к дуэли Пушкина из секретного архива III отделения.⁴⁸

Сологуб говорил о гибели культуры и культурного слоя, о ненужности для современной России интеллигенции, литературы и Пушкина — ее главного национально-культурного символа. Речь произвела угнетающее, «жуткое впечатление» не только на Казанович, но и на ее старших коллег.

В архиве Сологуба тексты публичных выступлений, весьма нередких в 1920–1924 годах, практически не сохранились (возможно, из соображений автоцензуры); за единичными исключениями, они не получили освещения и в газетной хронике. Запись Казанович в этой связи приобретает особую ценность. Кроме того, содержание речи Сологуба в Неофилологическом обществе бросает свет на запланированное, но не состоявшееся выступление писателя в феврале 1921 года в Доме литераторов на торжествах по случаю 84-й годовщины смерти Пушкина. (12 февраля Казанович записала в дневнике: «О, какой карикатурой на что-то был вчерашний Пушкинский вечер в Доме Литераторов. И смешно, и жалко, и грустно было смотреть. <...> Кони был графаретен, Блок — скучен; только стихи Кузмина Пушкину были милы, да Нестор Александрович пытался в нескольких заключительных словах сказать что-нибудь соответствующее исторической, казалось бы, торжественности момента. Но этого оказалось мало, чтобы оживить вечер и придать ему краски».⁴⁹)

В программе вечера и на афише,⁵⁰ наряду с выступавшими, значилось выступление Сологуба (тема не названа). В той же афише на 14 февраля была объявлена его речь «Смерть Пушкина и русская интеллигенция» (текст не известен).⁵¹ Сологубу не довелось присутствовать на собрании, в начале февраля он и Чеботаревская находились в Москве в ожидании выдачи долгожданных загранпаспортов.⁵² 10 февраля они получили телеграмму, что во время их отъезда квартира была ограблена, и поспешили вернуться в Петроград (налетчики не тронули только книги и рукописи).⁵³ Однако благодаря записям

(в семью свояченицы — Ольги Николаевны Чернозитовой; 1872–1943): угол Ждановской набережной и Малого проспекта, д. 3/1, кв. 26.

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 355. Л. 9.

⁴⁸ Неофилологическое общество при Санкт-Петербургском (Петроградском) университете (1887–1928) образовалось на основе Романо-германского отделения Филологического общества при университете; выпускало «Записки Неофилологического общества» (СПб., 1888–1915. Вып. 1–8). Заседание проходило в Историко-филологическом институте, который размещался во «Дворце Петра II», Университетская наб., 11 — сейчас здание Филологического факультета СПбГУ. См. также прим. 10 к публикации.

⁴⁹ Подробно запись о пушкинском вечере см.: Из дневника Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина. С. 171–172. Отчет о вечере опублик.: Вестник литературы. 1921. № 2 (26). С. 15. Речи выступавших были напечатаны в журнале «Летопись Дома литераторов» (1921. № 3 (27)): Речь А. Блока «О назначении поэта» (с. 15–17), «Речь А. Ф. Кони» (с. 18–19), «Заключительное слово Н. А. Котляревского» (с. 19); прочитанное на вечере 11 февраля стихотворение М. Кузмина «Пушкин» («Он жив! У всех душа нетленна...») (с. 17)).

⁵⁰ Литературный музей Пушкинского Дома. Шифр: И.68547.

⁵¹ О выступлении Сологуба сообщалось также в обзоре «Пушкинские дни в Доме литераторов» (Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 18), см.: «На воскресенье 5-го марта был назначен 2-й Пушкинский вечер: Ф. К. Сологуб — „Смерть Пушкина и русская интеллигенция“, Н. С. Гумилев — „Современность в поэзии Пушкина“, Н. О. Лернер — „Один из забытых рассказов Пушкина“, П. Н. Губер — „Пушкин и русская культура“. Вечер этот был отложен вследствие запрещения зрелищ и собраний на время осадного положения».

⁵² О несостоявшемся отъезде см. в статье А. Л. Соболева в настоящем номере журнала.

⁵³ Подробно см.: Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова...»: Сб. научных

Казанович можно предположить, о чем Сологуб мог говорить на пушкинских торжествах. Тема, обозначенная на афише, корреспондировала по смыслу с его выступлением в Неофилологическом обществе (13 декабря 1920) на докладе А. С. Полякова.

Следующая запись в дневнике (12 октября 1921) — предельно лапидарна, в ней дословно воспроизведен текст типографского объявления о розыске Чеботаревской. Лишь через год в дневнике появляются развернутые заметки о Сологубе. 3 сентября 1922 года Казанович описывает вечер памяти Блока (2 сентября), устроенный Пушкинским Домом в Доме литераторов, и в заключении сообщает, что Сологуб пообещал ей написать в альбом. 11 сентября она подробно рассказывает о визите с альбомом к нему на Ждановку, фиксирует его желчные высказывания о Брюсове, Белом, Блоке и Пушкине; упоминает о не отраженной в дневнике встрече в Доме литераторов в июне 1922 года, когда Сологуб заявил, что не напишет ей в альбом, так как Пушкинский Дом его «за писателя не считает». Раздосадованная Казанович резюмировала: «мелко самолюбивый, ничтожный и притом неумный человек, поэтому умный не стал бы говорить все это незнакомому лицу». Вслед за тем, возвращаясь к недавнему блоковскому вечеру и дополняя свои наблюдения новыми деталями, она заключает: «И на этот раз старик казался мне чудаковатым. Но сегодня я почувствовала уважение к нему, и за всеми этими чудаковатостями и странностями почувствовала что-то настоящее, свое, большое, простое и мудрое».

Эмоциональные оценки Сологуба в дневнике Казанович весьма подвижны, 18 апреля 1923 года она записывает: «...он, вероятно, добрый человек по сердцу, но возвышенности и благородства духа я в нем не почувствовала; в этом отношении он, вероятно, довольно ничтожен, а вообще — мелочен, может быть <...>, завистлив, не образован и не умен; время, с ним проведенное, пропало даром и, кроме того, остался неприятный, обидный за русского писателя осадок». Через месяц (28 мая 1923): «...трудный, вероятно, у него характер, но человек он, верно, не плохой и во всяком случае — прямо и просто выражающий свое мнение и отношение к тому, о чем речь, не считаясь с впечатлением от этого у слушателя; и я думаю, что он никогда и ни перед кем не станет подделывать своих мнений; это значит, что он человек честный и с сознанием и чувством своего достоинства». — Последняя запись о Сологубе в дневнике Казанович.

В итоге их встреч и разговоров в альбоме Пушкинского Дома появился сологубовский автограф — вторая, четвертая и пятая (без последнего катрена) строфы из первой главы его незавершенной «пушкинской» поэмы «Григорий Казарин. Из ненаписанного романа в стихах».⁵⁴ Строки этого вдохновенного сологубовского оммажа органично вписались в «пушкинский» текст альбома вместе с записями Блока, Ахматовой, М. Кузмина, Ю. Верховского и других поэтов:

Для стихотворного романа
Мне образец высокий дан.
Вам, несравненная Татьяна,
Я посвящаю мой роман.
Иную повесть Вы прочтете,
Чтобы понять, не осудить,

статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига, 2013. С. 189.

⁵⁴ Впервые: Стрелец. Сб. третий и последний. СПб., 1922. С. 1–5. Полный текст глав из поэмы и комментарий к ней см.: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 3. С. 480–494, 849–853.

И улыбнетесь, может быть,
 И, может быть, порой вздохнете.
 Иные люди, век иной,
 И все как будто не похоже,
 Но сердце человека то же,
 И жалок так же род людской,
 И мы склоняемся над чашей,
 Дошедшей к нам от жизни Вашей.
 В ту чашу Бог обильно влил
 Огонь эфирный Ваших сил.

Воздвигла творческая сила
 Страну, где вечен каждый миг.
 Воображенье населило
 Ее народом вещей книг.
 Светло мечтая, Дульцинея
 Перебирает жемчуга,
 На вечно-свежие луга
 Идет Альдонса, — и затея
 Безумца старого опять
 Свой неизменный круг свершает,
 И время тихо упадает,
 Чтобы покойно созерцать⁵⁵
 Спасенный силой вдохновенья
 От черной пропасти забвенья
 На берегах глубоких вод
 Неумирающий народ.

Венчанный славою учитель,
 Свершая дивный произвол,
 В ту чародейную обитель
 Сладчайшими путями вел.
 Великий Пушкин, наша слава!
 Пока живут его слова,
 И наша родина жива,
 Какая б чуждая отравы
 Не возмущала бытие⁵⁶
 Им возвеличенной России,
 Какие б дикие стихии
 Не ополчались на нее.

Мы не знаем, продолжались ли встречи Казанович с Сологубом после того, как он оставил автограф в альбоме Пушкинского Дома; поздние дневники, если она их вела, до нас не дошли (последняя запись датирована 9 августа 1923 года).⁵⁷

Казанович наверняка присутствовала в Александринском театре 11 февраля 1924 года на праздновании сологубовского юбилея — 40-летия его литературной деятельности,⁵⁸ ее подпись значится на коллективном поздравлении

⁵⁵ Вариант, в опубликованном тексте: «Чтоб на просторе созерцать».

⁵⁶ Вариант, в опубликованном тексте: «И чужестранная отравы / Не умерщвляет бытие».

⁵⁷ Последняя запись в четвертой тетради дневника Казанович обрывается буквально на полуслове; финал сюжета дописан другими чернилами на обложке — после значительной паузы. Была ли заведена пятая тетрадь, и если да, то какая судьба ее постигла: утеряна? уничтожена? изъята при аресте? — неизвестно.

⁵⁸ Материалы юбилейного чествования и адреса юбиляру от литературных и общественных организаций опубликованы, см.: Юбилей Федора Сологуба (1924 год) / Публ. А. В. Лав-

тельном адресе сотрудников Пушкинского Дома, который со сцены читал Б. Л. Модзалевский.⁵⁹ Однако она отправила Сологубу и личное приветствие со словами искреннего признания его таланта:

«Глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Позвольте мне сердечно поздравить Вас с днем Вашего праздника, который является праздником и для всех тех, которых Вы дарили минутами высокого художественного наслаждения. Не всем доступен тот „ясный холод вдохновенья“, который „из грез кристаллы создает“, но многим доступно чувство наслаждения этими кристаллами, созданными вдохновением художника, чувство отраженного творчества, повторного перевоплощения, которым может быть названо переживание художественных произведений в чтении. И тот художник, который способен дать в своих созданиях повод для таких переживаний, — дорог своим читателям, а день его праздника является днем праздника и для них, поскольку они могут разделить его с любимым писателем.

Поэтому позвольте вместе с поздравлением пожелать Вам еще много, много лет, озаренных бодрим и ясным вдохновением к созданию новых и новых кристаллов в сокровищницу родной нам литературы, которую Вы обогатили уже столькими драгоценностями художественного слова.

Примите уверения в моем неизменном к Вам уважении и преданности.
Е. Казанович».⁶⁰

Можно предположить, что 5 декабря 1927 года Казанович была на панихиде по Сологубу в доме Союза писателей на Фонтанке, 50, где с прощальным словом от Пушкинского Дома выступал Модзалевский. Вполне возможно, что она каким-то образом участвовала в приеме архива и библиотеки Сологуба, которые начали поступать в Пушкинский Дом с февраля 1928 года.⁶¹ Мы можем только догадываться, о чем она думала, что чувствовала, какие детали припомнила в эти моменты. Для нас Сологуб в восприятии Казанович ограничен 1923 годом. Но и эти сведения важны и интересны.

рова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 315–343.

⁵⁹ Модзалевский Борис Львович (1874–1928) — пушкинист, публикатор и комментатор сочинений А. С. Пушкина, историк русской литературы, библиограф, генеалог; академик (1925). Один из создателей Пушкинского Дома и его старший ученый хранитель. За месяц до юбилея Б. Л. Модзалевский был арестован, 12–16 января 1924 года он пребывал в заключении по ложному обвинению в денежной растрате. Арест губительно сказался на его здоровье и общем состоянии (он отказался от должности директора Пушкинского Дома, которую занимал в период заграничной командировки Н. А. Котляревского в Париж в 1922–1924). Тем не менее Модзалевский пришел приветствовать Сологуба. В его «Записной книжке» под датой 11 февраля 1924 года отмечено: «Юбилей Сологуба в Александринском театре. Я читал адрес Пушкинского Дома со сцены» (*Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920–1928 гг.* / Публ. Т. И. Краснобордочко и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. С. 38).

⁶⁰ Юбилей Федора Сологуба (1924 год). С. 339. В письме процитированы строки из стихотворения Сологуба 1893 года «Творчество» («Темницы жизни покидая, / Душа возносится твоя...»), с отчетливым «эхом» пушкинского стиха и скрытой цитатой из стихотворения Пушкина «Жуковскому» (1818): «И быстрый холод Вдохновенья / Власы подьмет на челе...». Ср.: «И ясный холод вдохновенья / Из грез кристаллы создает...» (*Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2: В 2 кн. / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. Кн. 1. С. 13 (сер. «Литературные памятники»). При публикации этого стихотворения в «Северном вестнике» (1894. № 4. С. 52) Сологуб впервые воспользовался своим псевдонимом.

⁶¹ См. об этом: Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910–1927) / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. С. 448; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 552–555; см. также письмо О. Н. Черносвитовой Т. Н. Чеботаревской от 13 апреля 1928 года (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317–320; публ. М. М. Павловой).

Фрагменты «Записок о виденном и слышанном» публикуются по автографу: РНБ. Ф. 326. № 17–20. Орфография и пунктуация приведены к современной грамматической норме.

24/VI. <1912 года>

<...> «Огненным ангелом»¹ Брюсов вытеснил из моей души Мережковского, царившего там превыше всех современников за свою Трилогию,² и показал себя гораздо тоньше и умнее как художник.

А только все-таки в его натуре есть патологические элементы, а в психике — известные дефекты; это — его дань времени; как и у Сологуба³ и мн. др.⁴

28/XI. <1912 года>

<...> Я очень рада одному: Н<естору>А<лександрови>чу «Альма» Минского⁵ «очень» нравится.

— Я бы охотно поставил ее сейчас на сцене, да разве с нашими господами сговоришься! Во всяком случае, она и равняться не может с Сологубом.⁶ <...>

13/XII. <1920 года> Вчера в нео-филолог<ическом> о<бщест>ве⁷ доклад Полякова⁸ о Пушкине (новые материалы о дуэли из секретного архива III <отделения>). Доклад пустой и легкий, как и все в этом смелом недоучке не без внешних, однако, способностей.

Любопытно было выступление Сологуба, Федора Кузмича <так!>. Он начал с того, что зачем заговорили о Пушкине, кому сейчас нужен и интересен в России Пушкин, сейчас нужны и интересны пайки,⁹ а не Пушкин. Да и нет больше России: своим выстрелом Дантес убил не только Пушкина, но и Россию; все эти Белинские, Добролюбовы, Писаревы и Чернышевские только продолжали его дело — добивание России и Пушкина. Да и хорошо сделали, что добились их: в России некому ими интересоваться. Интеллигенции у нас нет, а то, что считается интеллигенцией, стоит на самой низкой ступени культуры; если сравнить русскую интеллигенцию с русским мужиком, окажется, что последний гораздо выше в своей культуре, чем интеллигенция в своей; можно сказать, если считать лестницу культуры состоящей из ста ступеней, что мужик стоит на сотой ступени своей лестницы, тогда как интеллигенция едва добралась до третьей, в лучшем случае — до четвертой. Это мы видим и сейчас по тому, как оба они борются за свою культуру. Мужику нужна его религия, для нее ему нужно вино и хлеб причастные, и он их имеет; ему нужно масло для лампад и воск для свечей — и он их имеет, их у него не посмели отнять, а у интеллигенции отняли бумагу, отняли типографию, и она молчит... Нет России, умерла Россия.¹⁰ Вот придут сюда немцы, англичане, французы и поглотят русский народ, как в свое время поглотили гораздо более высоко развитых греков и римлян, и вот тогда только начнется настоящее, красивое существование России в истории; тогда будет нужен и Пушкин. Милые, трудолюбивые, идеалистически настроенные немецкие студенты примутся раскапывать Россию из пыли архивов, с любовью примутся изучать Пушкина и то время, в которое он жил, и под их пером, в их воображении воскреснет Пушкин, как воскресли Гомер и Вергилий, Гораций и Эсхил...¹¹ Им нужен будет Пушкин и современная ему Россия, а нам они ни к чему.¹²

Трудно передать, какое жуткое впечатление произвели эти слова, по крайней мере, на меня. Это было «со святыми упокой»,¹³ пропетое себе самим умирающим. И было что-то умирающее в голосе и выражении лица Сологуба: чужое, далекое, бесстрастное, потухающее...¹⁴

12 окт<ября 1921 года>

<...>¹⁵ На пути домой прочла на Троицком мосту вот какой (печатный) литературный документ:

«Объявление.

Три миллиона (3 000 000) рублей

тому, кто укажет, где находится больная женщина, ушедшая из дому 23-го сентября, худая, брюнетка, лет 40, черные волосы, большие глаза, небольшого роста, обручальное кольцо на руке; была одета в темно-красный костюм с черным, серое пальто, черная шелковая шляпа, серые валенки. Имя — Анастасия Николаевна.

Сообщить: по адресу — В. О. 10 линия, д. 5, кв. 1.

Федору Сологубу. Тел. 2-23».¹⁶

Ничего не забыл, и «большие глаза»! Об исчезновении Чеботаревской я услышала тогда же. Говорят, она последнее время была не вполне вменяема, к ней даже было приглашено особое лицо для присмотра. Предполагают самоубийство. Были приглашены водолазы, но ничего не обнаружили.¹⁷

3 сент<ября 1922 года> Вчерашний вечер наш памяти Блока удался вполне. Вечер был интимный, устраивали его Энг<ельгардт>¹⁸ и я от имени «группы сотрудников Пушк<инского> Дома», Модз<алевского> не было,¹⁹ хотя ему и было передано официальное приглашение, и мы об этом не жалели. Публики было для нашего зала много, но все — своя, по билетам: много эрмитажников, наша молодежь со своими знакомыми, кое-кто из литераторов: Сологуб, Ахматова, Муйжель,²⁰ Н. А. Энгельгардт с дочерью (Гумилевой),²¹ знакомые Щербачевых²² и Дорлиак,²³ Щеголев.²⁴ Участвовали: Верховский («Улыбка Блока»²⁵ и стих<отворе>ния Блока к сюите Щербачева), Вс. Рождественский (стих<отворе>ние «Памяти Блока»),²⁶ Стахова²⁷ и ее ученик из студии (стих<отворе>ния Блока), Дорлиак (романсы Сенилова и Гнесина),²⁸ Щеголева (стих<отворе>ния Блока),²⁹ опять Дорлиак (романсы Щербачева на слова Блока) и у рояля — Щербачев во всех трех отделениях. Лучше всех были: Верховский, Щеголева, Дорлиак (прекрасно пела) и Щербачев. Публика — верх культуры, и знакомые Щербачева и Дорлиак — верх эlegantности. Чаепитие вышло тоже очень просто, хорошо и уютно. Ахматова мне опять очень понравилась: она, несомненно, умна, чутка, изящна и горда при полной простоте и скромности; такой она опять была вчера. И лицо у нее прекрасно: сине-серые грустные глаза, детские и вместе горькие (с горькой складкой у углов) губы. Старичок Сологуб, давно сердитый на Пушк<инский> Дом, вчера под конец совсем смягчился и обещал написать мне в альбом стих<отворе>ние.³⁰

Но изменились мы порядком с этим вечером!³¹

11/IX. <1922 года> Была у Сологуба с альбомом. Своеобразный старик, но действительно, верно, добрый, хороший, честный. Его задело стих<отворе>ние А. Белого «О, не летающие...»³² и он долго говорил по его поводу, об нем и о самом авторе. «Это что ж, вас всех имел он в виду, когда говорил: „Вы — переломанные жерди...“?» — так начал Ф. К. Я ответила, что мы тоже в шутку говорили между собой, что это стих<отворе>ние — об нас, но тем не менее тем из нас, кому я показывала альбом, стих<отворе>ние очень понравилось, и в конце концов мы его все-таки не отнесли к себе, считая себя — «летающими».

— Это кто ж такие «летающие»? все эти грабители, разбойники, убийцы, которые могут убивать, грабить и презирать тех, у кого «совесть чиста» и «повесть спокойна», т. е. настоящих людей, тех, которые создают жизнь и копят ее ценности?..

Когда я изложила свое понимание стих<отворе>ния и добавила при этом, что Белый написал его до того, когда я принесла ему альбом, и не зная ничего о существовании альбома, так что автор именно к нам, членам учреждения, которому альбом предназначен, его не относил и, значит, не имел намерения нас им обругать, — на последнее Ф. К. ничего не ответил, а на первое опять разразился суровой филиппикой. «Истинно великие люди никогда не презирают простых людей за то, что у них повесть спокойна и совесть чиста; Пушкин, например, умел ценить их, и Машу из „Капитанской дочки“, и Полину из „Пиковой дамы“, и Парашу из „Домика в Коломне“,³³ и вообще всех простых и скромных обывателей. А кто дал Белому это право, и не тем ли он велик, что всюду кричит о своем величии, о том, что ему издатели мало платят, что ему не дают работать и пр. И кто ему сказал, что обыватель „к тверди не подымает глаз“? Вероятно, он делает это чаще и благоговейнее, чем сам Белый и все эти „летающие“ грабители, разбойники, убийцы, святотатцы, которые не так еще грабили, оскорбляли и убивали всех истинных, честных, благородных людей со спокойной повестью и чистой совестью. И что за выражение: „не упадет огонь Сент-Эльма“?³⁴ Во-первых, огни святого Эльма не *падают*, а без всякого падения откуда бы то ни было начинают светить на верхушках мачт корабля в море; затем — *огонь* святого Эльма не бывает, а бывают *огни* святого Эльма; наконец, что за коверкание русского языка: *Сент-Эльма*? Это все равно что он сказал бы об апостоле: послание Сен-Павла, или: я видел изображение сен-Бернара...» И много еще в таком же роде говорил старик своим обычным спокойным, ровным голосом, как бы прерываемым легкой одышкой. Досталось тут и Брюсову за то, что он продался власти³⁵ («еще год тому назад он говорил, что его семья не может существовать без шести миллионов в м<еся>ц, а теперь ему нужно, очевидно, шестьсот; и это говорит русский писатель!»), и Белому — за то же,³⁶ и многим другим.

Я вышла со странным, очень смешанным, но в то же время и несколько более определенным впечатлением, чем после первых двух раз беседы с ним. Первый раз я говорила с Сологубом прошлым летом (в начале) в Доме Литераторов³⁷ и просила его написать что-нибудь в альбом. Ф. К. начал обиженным тоном: «Зачем я буду писать в альбом для Пушк<инского> Дома? Ни Академия, ни Пушк<инский> Дом меня не признают: я даже до сих пор не почетный академик, а Пушк<инский> Дом отказался купить мои рукописи. Я вовсе не нужен Пушк<инскому> Дому, он меня даже и за писателя не считает...»³⁸ Тогда я только посмеялась над этим и подумала: мелко самолюбивый, ничтожный и притом неумный человек, п<отому> ч<то> умный не стал бы говорить все это незнакомому лицу. Второй раз мы виделись у нас на Блоковском вечере.³⁹ Я встретила его в первой маленькой зале какой-то любезной фразой и провела в первый ряд; потом за чаем под села к нему, но так как я была страшно утомлена, то говорила мало. Но все же в удобную минуту навела разговор на альбом, и старик согласился написать. А перед этим, на вопрос его о том, что делает теперь Пушк<инский> Дом, и мой ответ, в котором я, между прочим, упомянула и об издании «Гавририады», — Ф. К. буквально напал на меня: как издавать «Гавр<илиаду>»,⁴⁰ произведение скверное, порнографию,⁴¹ которая не делает чести Пушкину и которую его почитатели должны были бы уничтожить, делать этим изданием угодное власти, подпевать ей и т. д. и т. д. <...> И после этого, в добрую минуту Ф. К. все же согласился написать в альбом и собрался даже идти ко мне для этого, но потом сказал: «Нет, сейчас поздно, лучше я приду к Вам в другой раз и тогда напишу». А еще позже, когда все разошлись, за исключением его, Ахматовой, Верховского, Рождественского, Щеголевой, и после чтения всеми ими стихов Блока, — вернулся опять к Пушкину. Блок не понимал России,⁴² и Пушкин не

знал, что такое Россия и не понимал ее. Вот Петра он понимал, но и ненавидел его; он заставлял себя говорить прекрасные слова о Петре, но не любил его.⁴³ И о России говорил прекрасные слова, не зная и не понимая ее. И в Бога он не верил, потому и Россию не понимал. Вот Лермонтов, тот верил в Бога и понимал Россию — и т. д. И на этот раз старик показался мне чудаковатым. Но сегодня я почувствовала уважение к нему, и за всеми этими чудаковатостями и странностями почувствовала что-то настоящее, свое, большое, простое и мудрое. И странно-поэтичное чувство вынесла от него. Самая комната его мне тоже понравилась.⁴⁴

А от Сологуба поехала к Петрову-Водкину,⁴⁵ с намерением оставить ему альбом до моего следующего приезда из Царского.⁴⁶ <...>

18 апр<еля 1923 года> Сегодня после выставки, на которой я дежурила,⁴⁷ пришел ко мне Сологуб. Сначала на полчаса, потом остался обедать, потом просидел до начала 9-го и... оставил довольно тошный от себя осадок во мне. В начале его визита зашла речь о моей книжке о Писареве, которой Сологуб, по его словам, интересовался, и я дала ему ее. Сол<огуб> попросил надписать;⁴⁸ я сделала и это и потом жалела: если бы книжка была дана в конце, я бы или совсем не надписала, или надписала бы иначе. В конце концов, он, вероятно, добрый человек по сердцу, но возвышенности и благородства духа я в нем не почувствовала; в этом отношении он, вероятно, довольно ничтожен, а вообще — мелочен, может быть (говорю «может быть», п<отому> ч<то> в этом еще не убедилась), завистлив, не образован и не умен; время, с ним проведенное, пропало даром и, кроме того, остался неприятный, обидный за русского писателя осадок.⁴⁹

8 мая. <1923 года> Оказывается, Сологуб ждал меня вчера, а я, не условившись как следует с Верх<овским> или, вернее, не поняв его, — не пошла. Ужасно обидно! Сол<огуб> пригласил Ахматову⁵⁰ и др<угих> писателей, читал свои новые стихи; вообще, обидно пропустила интересный для меня вечер с новыми, вероятно, интересными людьми. Жаль.

Перечитала «Мелкий бес»;⁵¹ крупная все-таки вещь, но в известном отношении противная, выматывающая. В каком душевном состоянии автор должен был писать его, и как хватило у него желания возиться с Передоновым, образ которого довольно ярок и тонок в передаче его отвратительной психопатологии. Сологуб остался вполне объективным художником в нем, и несправедливы обвинения, о которых он упоминает в предисловии ко 2-му изданию.⁵² Неправдоподобна только сцена в маскараде: или предводитель дворянства Верига не мог присутствовать на маскараде, где могли происходить подобные сцены, или маскарад, на котором он присутствовал, — не мог быть таким.⁵³ Я согласна, что купчики, мещане, мелкие чиновники уездного города (этот город по своим нравам похож больше на уездный, чем на губернский) могут произвести такой дебош в маскараде, но это может произойти только на их вечере, в их собрании, где предводители дворянства не бывают старшинами, по крайней мере, не принимают участия в вечерах подобного рода, и самое большое, что могут сделать, — уступить на вечер зал своего клуба этой разночинной публике.⁵⁴

28 мая. <1923 года> Была у Сологуба. Ужасно трудно с ним говорить. У него прием разговорный таков: выхватит из речи собеседника одно какое-нибудь слово и начнет на нем расписывать,⁵⁵ правда, своеобразно, но не всегда понятно и вразумительно; мысли собеседника он не улавливает, разных оттенков значения, в которых употребляется какое-нибудь слово или выражение, он

не воспринимает, а поняв слово по-своему, — даже не в общеупотребительном в известных комбинациях смысле, — строит на нем свою реплику, большей частью идущую мимо собеседника.

Трудно, повторяю, с ним говорить, трудный, вероятно, у него характер, но человек он, верно, не плохой и во всяком случае — прямо и просто выражающий свое мнение и отношение к тому, о чем речь, не считаясь с впечатлением от этого у слушателя; и я думаю, что он никогда и ни перед кем не станет подделывать своих мнений; это значит, что он человек честный и с сознанием и чувством своего достоинства.⁵⁶

¹ Роман В. Брюсова «Огненный ангел» впервые был напечатан в журнале «Весы» в 1907 году; отд. изд.: М., 1908.

² Имеется в виду трилогия Д. Мережковского «Христос и Антихрист», состоящая из трех романов: «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895), «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901), «Петр и Алексей» (1904–1905); отд. изд.: СПб., 1906–1907; *Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб.; М., 1911–1912. Т. 1–5.

³ В тексте: Соллогуба.

⁴ РНБ. Ф. 326. № 18. Л. 60.

⁵ См. вступ. статью, прим. 18.

⁶ РНБ. Ф. 326. № 18. Л. 126. Запись фиксирует разговор Е. П. Казанович с Н. А. Котляревским, произошедший днем в Академии наук во время совместной расстановки книг. Подразумевается пьеса Ф. Сологуба «Заложники жизни» (1910), поставленная на сцене Александринского театра В. Э. Мейерхольдом. За год до премьеры (6 ноября 1912 года) в прессе подогревался интерес к новой драме Сологуба, печатались репортажи о репетиционном периоде, интервью с режиссером и автором. Накануне премьеры Котляревский в статье «О современном репертуаре» писал, что считает наиболее существенным в современной пьесе ее бытовой план, «воплощение нашей повседневной жизни» (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 3 нояб. № 13230. С. 5). Этот взгляд не отвечал замыслу Сологуба. Подробно см.: *Галанина Ю.* Вокруг «Заложников жизни». С. 157–175; Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом. С. 247–253. См. также вступ. статью.

⁷ См. вступ. статью, прим. 48.

⁸ Поляков Александр Сергеевич (псевд. А. Ундорский; 1882–1923) — литературовед, поэт, библиограф, историк театра. Учился в Психоневрологическом институте, затем на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета; активный участник Пушкинского семинара С. А. Венгерова; член Русского библиологического общества; в 1916–1918 годах внештатный сотрудник Пушкинского Дома (работал в Древлехранилище, занимаясь описанием и регистрацией рукописей), в первые дни Февральской революции принимал участие в спасении архива III отделения. В 1917–1918 годах — приват-доцент историко-филологического факультета Петроградского университета. В 1918 году возглавил Центральную библиотеку русской драмы (ныне Государственная театральная библиотека), где создал Фонд пьес Драматической цензуры, составил неизданный указатель к «Ежегоднику Императорских театров», издавал журнал «Бирюч петроградских государственных театров» (1918–1920). Подробно о нем см.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920–1928 гг. С. 82. Доклад А. С. Полякова был одним из первых подходов к материалу, который впоследствии он представил в книге «О смерти Пушкина (По новым данным)» (Пб., 1921 (на обл. 1922)). О докладе Поляков упоминал в письме от 2 декабря 1920 года к товарищу по Пушкинскому семинарию и затем по работе в Книжной палате А. Г. Фомину: «В то воскресенье (12 дек<абра>) я не могу быть, так как у меня доклад в Неофилолог<ическом> Общ<естве> о Пушкине. Если есть время — приходите (Филологич<еский> инст<итут> в 2 часа)» (Из эпистолярного наследия А. С. Полякова (Письма к С. А. Венгеру, А. Г. Фомину и Н. К. Никольскому) / Публ. М. Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 339). Императорский Историко-филологический институт, существовавший с 1867 года, после 1917-го преобразован в Педагогический институт при университете, а в 1921 году присоединен к университету.

⁹ Сологуб состоял членом Комитета петроградского Дома литераторов, при котором работала Хозяйственная комиссия, занимавшаяся распределением пайков, см.: *Кукушкина Т. А.* «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...» Дом литераторов. С. 79–82.

¹⁰ Один из лейтмотивов газетной публицистики и лирики Сологуба 1918 — начала 1920-х годов. См., например: «Пляска смерти» («Пляшет пляску нестройную...»), 1918; «Умертвили Россию мою...», <1918> и др. Подробно о настроениях Сологуба в 1918–1921 годах см.: *Павлова М. М.* «Путеводная нить»: Поэтическое творчество Федора Сологуба последнего десятилетия в контексте биографии. С. 604–619.

¹¹ Вероятно, имеются в виду археологические раскопки и открытия Генриха Шлимана в Микенах, Трое и Тиринфе в 1870–1880-х годах, а также достижения немецкой классической филологии, расцвет которой пришелся на XIX — начало XX века.

¹² Скрытая отсылка к выступлению Сологуба просматривается в речи Котляревского на торжественном заседании в Доме литераторов по случаю 125-летия гибели Пушкина (11 февраля 1921 года), ср.: «Позвольте закончить сегодняшнее собрание несколькими словами. Надо быть высокого мнения о своем народе, если хочешь способствовать его силе и славе. Надо верить в свой народ. В нас всегда была крепка эта вера. Но когда произносишь слово „народ“, иногда наталкиваешься на многие недоразумения. Их не должно быть. Народ один и неделим. Все мы — народ. Бывает в жизни, и это неизбежно, что в семье царят раздор и смятение. Но все-таки семья едина» (Заключительное слово Н. А. Котляревского. С. 19).

¹³ Слова надгробной литии.

¹⁴ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 108–108 об.

¹⁵ Первая часть записи посвящена визиту на квартиру к М. Горькому (Кронверкский пр., д. 23), который был болен и никого не принимал. Автограф Горького в альбоме Казанович отсутствует.

¹⁶ Текст типографского оттиска сохранился в архиве Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 174. Л. 1), там же имеются рукописные объявления о розыске Ан. Чеботаревской (л. 2–4), они были расклеены по городу в конце сентября — октябре 1921 года.

¹⁷ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 91 об. 23 сентября 1921 года Ан. Чеботаревская в состоянии приступа психастении покончила с собой, бросившись в речку Ждановку с дамбы Тучкова моста. См.: Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко / Публ. М. М. Павловой // Memento Vivere. Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 494–496.

¹⁸ Энгельгардт Николай Александрович (1866–1942) — журналист, критик.

¹⁹ Модзалевский замещал Котляревского в должности директора Пушкинского Дома в период его командировки в Париж 1922 — октябрь 1924).

²⁰ Муйжель Виктор Васильевич (1880–1924) — писатель, художник.

²¹ Энгельгардт Анна Николаевна (1894, по другим сведениям — 1895–1942) — вторая жена Н. С. Гумилева (с 1918 года).

²² Владимир Владимирович Щербачев (1889–1952) — композитор, педагог; автор ряда сочинений на слова А. Блока — сюиты «Нечаянная радость» (1912–1913), девяти романсов (1915–1924), а также «Блоковской» симфонии (Вторая симфония b-moll для оркестра, соч. 8. Лейпциг: М. Р. Belaieff, 1912) — монументальной пятчастной вокально-симфонической композиции на стихотворения Блока. В первом отделении вечера были исполнены 8 стихотворений Блока к сюите Щербачева (у рояля — автор): «Сольвейг», «Болотные чертеняты», «В лапах косматых и страшных...», «За корявые пальцы взялась...», «Болотный попик», «Невидимка» («Под красной зарей вдалеке...»), «Старушка и чертенята», «Сольвейг» (повторно), а также сюита «Нечаянная радость» на слова Блока. В четвертом отделении К. Дорлиак исполнила романсы Щербачева на стихи Блока: «Здесь дух мой злобный и упорный», «Мэри», «Не спят, не помнят», «Двойник», у рояля — автор (см. программу: Вечер памяти А. А. Блока. 2 сентября 1922 года: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5). Жена В. В. Щербачева — Мария Илларионовна Щербачева (урожд. Изюмова; 1888–1967) — выпускница Бестужевских курсов (историко-филологическое отделение; 1912), с 1920 года сотрудник Эрмитажа, впоследствии главный хранитель отделения итальянского искусства Государственного Эрмитажа.

²³ Здесь и далее в тексте: Д'Орлеак или д'Орлеак. Ксения Николаевна Дорлиак (1882–1945) — оперная певица, профессор Петроградской консерватории. См. также прим. 22.

²⁴ Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) — историк общественной мысли и литературы, пушкинист. Щеголевы (его жена — В. А. Щеголева, см. прим. 29) были связаны с Сологубом и Ан. Чеботаревской многолетними дружескими отношениями. В архиве Сологуба сохранилось восемь писем Щеголева: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 778 (1909–1914 гг.), также три письма к Ан. Н. Чеботаревской (Там же. Оп. 5. № 338); восемь писем В. А. Щеголевой к ней же (Там же. № 339; 1908–1916). В соавторстве с Сологубом подготовил издание: Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова / С послесловием П. Е. Щеголева и Федора Сологуба. СПб., 1913.

²⁵ Верховский Юрий Никандрович (1878–1956) — поэт, близкий кругу символистов, историк литературы, знаток поэзии пушкинской поры; друг А. Блока, см.: Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. С. 43–44. Верховский открыл первое отделение вечера, прочитав мемуарный очерк «Улыбка Блока» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5), впервые опубли.: *Верховский Ю.* Струны. Собр. соч. / Сост., статья, комм. В. Калмыкова. М., 2008. С. 706–715.

²⁶ Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) — поэт; в третьем отделении вечера читал два стихотворения — «Памяти Ал. Блока» («Обернулась жизнь твоя цыганкою...»;

впервые опубли.: Записки Передвижного театра. 1923. № 61. С. 1; без загл.) и «Добро строитель! Не взял дара...» (Там же). Подробно см.: Блок в архиве В. А. Рождественского / Предисловие и публ. М. В. Рождественской; комм. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 686.

²⁷ Враская Варвара Степановна (по сцене — Стахова; в замужестве Котляревская; 1882–1942) — драматическая артистка, вторая жена Н. А. Котляревского. Во втором отделении вечера прочла стихотворения Блока «Все это было...», «Осенняя любовь», «Вот он Христос...» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5 об.).

²⁸ Сенилов Владимир Алексеевич (1875–1918) — композитор, автор романсов на стихи А. Блока, Ф. Сологуба, В. Брюсова, К. Бальмонта и др. поэтов. Гнесин Михаил Фабианович (1883–1957) — композитор, музыкальный критик, близкий кругу символистов, автор вокальных сочинений на стихи А. Блока (в том числе к драме «Роза и Крест»), Ф. Сологуба, К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Ахматовой и др. Перечень стихотворений А. Блока, положенных на музыку В. А. Сениловым и М. Ф. Гнесиным, а также другими композиторами, опубликован в книге Т. А. Хопровой «Музыка в жизни и творчестве А. Блока» (Л., 1974. С. 149–151). Романсы Сенилова и Гнесина на стихи Блока во втором отделении вечера исполнила К. Дорлиак, у рояля — В. Щербачев (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5 об.).

²⁹ Щеголева Валентина Андреевна (урожд. Богуславская; 1878–1931) — драматическая артистка, жена П. Е. Щеголева; ей посвящен поэтический цикл А. Блока «Три послания» (1908–1910), см. также прим. 25. В третьем отделении вечера Щеголева прочла восемь стихотворений Блока; у рояля — В. Щербачев (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5 об.).

³⁰ См. вступ. статью.

³¹ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 108–108 об. Фрагмент записи впервые опубли.: Из дневника Е. П. Казанович. С. 176.

³² Фрагмент из поэмы «Первое свидание» (1921) записан Белым в альбом Казанович (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 282. Л. 7), см. текст: *Белый А.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб.; М., 2006. Т. 2. С. 51 (Новая Библиотека поэта); впервые: *Белый А.* После разлуки. Берлинский песенник. Пб.; Берлин, 1922. Приводим текст по автографу из альбома Е. П. Казанович, с пунктуационными разночтениями и вариантом в строках 336–337 (в окончательном тексте: «О, ваша совесть так спокойна; / И ваша повесть так ясна»).

О, нелетающие! К тверди
Не поднимающие глаз!..
Вы — переломанные жерди:
Жалею вас — жалею вас...

Не упадет на ваши бельма,
Где жизни нет — где жизни нет, —
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст Дамасский свет.

О, ваша повесть так спокойна
И ваша совесть так чиста:
Так небезумно, так пристойно
Дойти до дна — дойти до дна...

Андрей Белый

19/VIII 1921

³³ Наблюдения над пушкинским текстом и его поэтикой Сологуб изложил в послесловии к кн.: Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова С. 52–64.

³⁴ См. прим. 34.

³⁵ Об истории взаимоотношений двух поэтов, продолжавшихся около тридцати лет, см.: Брюсов В. Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 104–125; Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову / <Публ. А. Л. Соболева> // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает. Сконопель истоар. М., 2013. С. 320–372 (Легейская библиотека: очерки и материалы по истории русской литературы XX века; т. 2). Речь Сологуба памяти Брюсова (некролог): Fedor Sologub's Speech in Memory of V. Ja. Brjusov / Introduction and Notes by J. D. Grossman // Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University. Jerusalem, 1981. Vol. 5–6. P. 419–422. В представлении Сологуба Брюсов повредил своей репутации сотрудничеством с большевиками: заведовал Московской книжной палатой, с 1918 по 1919 год — отделом научных библиотек Нар-

компраса; в 1919-м перешел на службу в Государственное издательство; в 1920 году организовал Лито (литературный отдел Наркомпраса) и литературную студию при нем.

³⁶ Очевидно, Сологуб подразумевал сотрудничество А. Белого в левозероусской газете «Знамя труда» и в сборниках «Скифы» (1917–1918), выходящих под редакцией Иванова-Разумника, С. Д. Мстиславского и А. Белого (второй сборник) в издательстве «Революционный социализм».

³⁷ Петроградский Дом литераторов (1918–1922) — располагался на ул. Некрасова (до 1918 года — Бассейная ул.), д. 11. 6 июня 1922 года Сологуб выступал в Доме литераторов с лекцией по книге Ан. Чеботаревской «Женщина накануне Великой французской революции» (Пг.: Былое, 1922), которую он подготовил к печати и издал посмертно. Сведения о мероприятии, устроенном в Доме литераторов по случаю 123-й годовщины со дня рождения Пушкина (26 мая / 8 июня), не выявлены. В хронике журнала «Литературные записки» за 23 июня 1922 года сообщалось: «123-ю годовщину дня рождения Пушкина (8 июня — 26 мая ст. ст.) Пушкинской Дом ознаменовал открытием выставки „Пушкин и его современники“ и изданием миниатюрной книжечки, содержащей речь Н. А. Котляревского „Пушкин и Россия“, произнесенной им в Доме Литераторов на торжественном заседании 11 февраля (29 января) с. г.» (с. 18).

³⁸ Документальные подтверждения об отказе Пушкинского Дома приобрести рукописи Сологуба не выявлены. 31 октября 1919 года он писал Котляревскому: «До настоящего времени я хранил у себя все мои рукописи. Теперь, по обстоятельствам, это становится все труднее. Будте любезны сообщить мне, не пожелает ли Пушкинский Дом купить у меня некоторые рукописи, напр<имер>, рукопись романа „Тяжелые сны“» (ИРЛИ. Ф. 135. № 667. Л. 10). Рукопись романа «Тяжелые сны» в декабре 1919 года Сологуб продал в Публичную библиотеку (см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 181 — записи о доходах за 1918–1919 годы). В 1922 году в Пушкинский Дом поступила наборная рукопись книги Блока «За гранью прошлых лет» (от З. И. Гржебина). Возможно, до Сологуба дошли слухи о том, что Б. Л. Модзалевский, озабоченный судьбой блоковского архива, намередвался вести переговоры с Л. Д. Блок. Об одном его разговоре с вдовой поэта вспоминал И. С. Зильберштейн, см. его очерк «О встречах с Любовью Дмитриевной Блок и судьбе хранившегося у нее архива поэта»: Лит. наследство. 1978. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. С. 382. Подробно об истории поступления блоковского архива в Пушкинский Дом см.: *Лоцинская Н. В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 13–36.

³⁹ См. запись от 3 сентября 1922 года.

⁴⁰ В 1922 году вышло первое научное издание «Гаврилиады» под редакцией Б. В. Томашевского (П., 1922); первое издание в 1918 году под редакцией В. Я. Брюсова.

⁴¹ Ср. высказывание Сологуба о словах «скверно» и «плохо» в записи Вл. Смиренского: «„Скверно“ и „плохо“ — это слова совсем разные. Стихи, скажем, могут быть плохими, но не скверными. И — наоборот. Мы знаем прекрасную поэму Пушкина „Гаврилиада“, которая — все-таки — скверная поэма. И знаем много других примеров. Поэтому с этим словом надо обращаться осторожно» (*Смиренский В. В.* Воспоминания о Федоре Сологубе. С. 406).

⁴² Ср. высказывание Сологуба в записи П. Н. Медведева: «Бл<ок> ничего не понимал в России. „Но и такой, моя Россия...“ — ведь это же тупик. Достоевский так не сказал бы. Мерзость русскую он знал, и любить Россию такой он не мог. Но за этой мерзостной Россией он знал и видел другую. Бл<ок> этой России не знал. Вообще Бл<ок> ничего не знал. Вот почему он — гениальный, но не великий поэт. Великий — вот что: ты можешь взять любую точку, но с этой точки должен быть точно и ясно виден весь мир, правильная его плоскость и правильный его разрез. Как в аналитической геометрии, верная плоскость. Это было у Пушкина, Шекспира, Данте, Достоевского. Поэтому подлинно великое искусство всегда научно — в духе своем. У Бл<ока> не было ни точности, ни ясности. „И перья страуса склоненные...“ — Что, что? — Ничего. Но Бл<ок> был гениальный поэт. Потому он очаровывает и непосредственно влияет. Его поэзия, когда поразмышляешь, — сладчайший яд. Конечно, яд — отравка. Весь он направлен к смерти. Опустошенная душа, опустошенный гений. Но какой, пленительный...» и т. д. (*Медведев П. Н.* У Ф. Сологуба. С. 604).

⁴³ Л. К. Чуковская зафиксировала слова А. Ахматовой (через несколько лет после смерти Сологуба): «Да, он Пушкина не выносил. Ненавидел. Быть может, завидовал ему: соперник! С<ологуб> был человеком таким причудливым, что мог и завидовать Пушкину. Оленька (О. А. Глебова-Судейкина. — А. В., М. П.), которая знала С<ологуба> гораздо ближе, чем я, говорит, что оно так и было...» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 1. 1938–1941. С. 86).

⁴⁴ О какой именно комнате идет речь, сказать трудно, возможно, о комнате в квартире Черносвитовых (кв. 26); возможно, о другой — в том же доме (см. сн. 46 к вступ. статье) двумя этажами ниже Сологуб занимал две комнаты в квартире № 22 (на третьем этаже), принадлежавшей известному правоведа, профессору Александру Семеновичу Яценко (1877–1934; с 1919 года — в эмиграции в Берлине).

⁴⁵ Петров-Водкин Кузьма Петрович (1878–1939) — художник; автор двух портретов Сологуба, один был написан в 1926 году, погиб при пожаре, второй — «Сологуб на смертном одре» (Музей ИРЛИ), опубл.: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 3, см. вклейку. Петров-Водкин нарисовал в альбом Казанович женский портрет. Акварель. Дата: «1923 — II» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 282. Л. 17).

⁴⁶ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 110–112. С 12 сентября по 11 октября 1922 года Казанович отдыхала в Царском Селе (с 1918 по 1937 год — Детское Село, ныне город Пушкин) в «Сандомуче» — Санатории Дома ученых (подробно см.: РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 112–115).

⁴⁷ Выставка «Русские писатели в изданиях для детей» (на Миллионной ул., д. 22), подготовленная П. Е. Рейнботом, Б. И. Копланом, В. В. Воиновым, открылась 10 апреля и работала по 6 мая 1923 года, на бесплатной основе, сотрудники Пушкинского Дома водили по выставке экскурсии (*Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920–1928 гг. С. 139).

⁴⁸ *Казанович Е. Д. И. Писарев. Пг., 1922.* Дарительная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу на добрую память автор. 18.IV.1923» (Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: каталог / Сост. Н. С. Беляев; сост. имен. указ. Г. В. Бахарева, Н. С. Беляев. СПб., 2016. Вып. 2. Е–К. С. 71).

⁴⁹ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 127–127 об.

⁵⁰ Краткий очерк взаимоотношений поэтов см.: *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 53–58.

⁵¹ О каком именно издании романа «Мелкий бес» (1902) здесь идет речь, неизвестно, впервые он был напечатан в «Вопросах жизни» без последних глав, в связи с прекращением журнала (1905. № 6–11); отд. изд.: СПб., 1907. При жизни Сологуба роман выдержал 11 изданий. В 1923 году в издательстве З. И. Гржебина вышло девятое издание; еще один самостоятельный тираж Гржебин отпечатал в Берлине. (Последнее прижизненное издание романа в 1926 году выпустило издательство «Мысль».)

⁵² В предисловии ко второму изданию Сологуб последовательно прокомментировал наиболее распространенные суждения критиков о романе, заключив: «Этот роман — зеркало, сделанное искусно. Я шлифовал его долго, работая над ним усердно. Ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренное и тщательно проверенное, оно не имеет никакой кривизны. Уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно» (*Сологуб Ф.* *Мелкий бес* / Изд. подг. М. М. Павлова. СПб., 2004. С. 6; комм.: С. 762–764 (сер. «Литературные памятники»)).

⁵³ Речь идет об описании маскарада в романе «Мелкий бес» — главы XXIX–XXX.

⁵⁴ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 130–130 об.

⁵⁵ Ср. также описание сологубовской манеры собеседования: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения. С. 199–200 (главка «О моих стихах»).

⁵⁶ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 137 об.